

ИСПАНСКОЕ ОБЩЕСТВО XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. В ОЦЕНКАХ ПИСАТЕЛЯ-ГУМАНИСТА БАЛЬТАСАРА ГРАСИАНА

А.П. Батурин

Кемеровский государственный университет

rinutab@mail.ru

В статье делается попытка анализа как известных в нашей стране, так и не переведенных сочинений испанского писателя-гуманиста в качестве исторического источника. Внимание при этом акцентируется на оценках автора как общего состояния Испании в указанный период ее истории, так и на конкретных характеристиках, касающихся культуры страны, положения в обществе, отдельных личностей.

Ключевые слова: Раннее Новое время, Бальтасар Грасиан, испанский абсолютизм, испанская гуманистическая литература.

Имя крупного европейского мыслителя переходной эпохи испанца Бальтасара Грасиана (1601–1658) известно в основном почитателям классической литературы. Нашему читателю Грасиан известен, прежде всего, как ярко выраженный философ-моралист, критик пороков человеческих, что и нашло свое отражение в его двух главных сочинениях «Карманный оракул» и «Критикон», переведенных на русский язык. Здесь действительно специально к социально-политической теме автор практически не обращается, что дало основание одному из крупнейших знатоков творчества Бальтасара Грасиана Л.Е. Пинскому заметить: «Политическая мысль Грасиана, законченного моралиста, – наиболее слабое звено его концепции человеческой жизни»¹. Вместе с тем и названные, и более ранние сочинения Грасиана (в данном случае будут привлечены не опубликованные у нас «Герой» и «Политик») содержат

целый ряд исторических экскурсов и рассуждений, касающихся общекультурных и социальных проблем современной ему Испании и соседних стран.

Бальтасар Грасиан-и-Моралес родился в Арагоне, получил воспитание в иезуитской школе в Таррагоне, был помощником ректора сарагосской коллегии, преподавателем латинского языка, моральной теологии и курса философии в разных городах Испании. После принятия в 1636 г. обета он получает должность проповедника и исповедника иезуитской коллегии в г. Уэске. Главным же занятием Грасиана стала литературная деятельность. Поскольку членам иезуитского ордена было запрещено публиковать что-либо без одобрения его генералов, почти все труды Грасиан публиковал под псевдонимом. За свою независимость и язвительный тон он попадает в немилость к руководству ордена, лишается права преподавания и проповедничества и высылается из Сарагоссы в провинцию. За остроумие, необыкновенные критические способности и попу-

¹ Пинский Л.Е. Бальтасар Грасиан и его произведения / Л.Е. Пинский // Бальтасар Грасиан. Карманный оракул. Критикон. – М.: Наука, 1984. – С. 499.

лярность Л.Е. Пинский не без основания сравнивает Бальтасара Грасиана с Вольтером.

Грасиан не ставил своей целью описать историю страны или составить политико-назидательный трактат по примеру политических писателей XVI в. Макиавелли, Бодена или своих современников Ришелье и Гроция. Он почти не обращается к историческим реминисценциям, избегает пространственных рассуждений и оценок. Грасиан прежде всего умный, внимательный наблюдатель и писатель. В его наблюдениях современной действительности, чаще изложенных в форме диалога вымышленных героев, отражается и сама эпоха, и отношение к ней автора.

Состояние современного писателю общества представлено в его сочинениях преимущественно в темных тонах. «Мир нынче испорчен, – замечает автор «Критикона», – поглядите на того, кто плутовством достиг дворянства, нет для него большей утехи, чем выставить напоказ свое бесчестье; убийца так хвастает, что его отвага бьет в нос; красавчик и франтиха только и толкуют о своих прическах и драгоценностях; вор-христородавец домогается креста; другой требует высокого титула – увенчать свою низость. Вот и получается – грабители шумят громче всех»². Грасиану ненавистны такие свойства и качества в людях, как злость, ненависть, насилие. В самом начале своего «Критикона» он удивляется: «почему люди столь жестоки, что порой превосходят в этом хищных животных? Каких только не увидишь обманов и плутней, грабежей и убийств, предательств и прелюбодеяний, сколько изведаете зависти, фальши, уни-

² Бальтасар Г. Карманный оракул. Критикон / Грасиан Бальтазар. – М.: Наука, 1984. – С. 184.

жений! Всего этого у зверей не встретишь, свирепостью человек всех превзошел»³. В контекст приведенных оценок современного общества вполне вписываются и конкретные взгляды Бальтасара Грасиана на общее состояние государства и общества, личность правителя и его взаимоотношения с подданными, т. е. сюжеты, занимавшие практически всех писателей-гуманистов эпохи.

Испорченность нравов современного общества Грасиан во многом связывает с неуважением к религиозным традициям. Главным врагом в данном случае он считает протестантизм. Взгляды Грасиана иезуита вполне естественны в условиях продолжающейся в Европе католической реакции и заключаются в резком порицании «еретиков-реформаторов». Идея защиты католицизма и порицание сторонников реформированной церкви прослеживается практически во всех работах писателя. Так в «Политике» он считает, что «более знаменитым Фердинанда сделало не столько установление своей монархии, сколько создание инквизиторского трибунала и то, что он выгнал из Испании евреев»⁴. В «Критиконе» Грасиан хвалит короля Филиппа Счастливого за то, что тот «очистил Испанию от морисков», замечая при этом: «будь такие короли в других странах, пришел бы конец безбожию и ересям, схизме и язычеству, садомии и другим мерзостям»⁵. В противовес названным испанским королям – хранителям веры Грасиан с неприкрытой ненавистью и сарказмом пишет о так называемых «королях-

³ Там же. – С. 90.

⁴ Baltasar G. El Politico / G. Baltasar // Biblioteca virtual Miguel de Cervantes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: bib.Cervantesvirtual.com. (Дата обращения 26.07.2011). – Р. IV.

⁵ Бальтасар Г. Указ. соч. – С. 214.

отступниках» – англичанах Генрихе VIII и Карле Стюарте. Так, читаем в «Критиконе» о Генрихе VIII: «проплыв большой путь с попутным ветром хвалы и снискав славное прозвище Защитника веры Католической, он разбился о риф распутства и потонул в ереси вместе со всей злосчастной страной». «При Карле же, – продолжает автор, – ересь показала чудовищную свою слепоту и король погиб слепцом, и подданные обезглавили его, ослепленные; даже трудно решить, кто был более слеп – подданные ли, с беспримерной свирепостью казня своего короля, или он сам, не желая признать себя католиком. Возлюбив причинившую ему столько бед ересь, потерял он обе жизни, оба венца – временный и вечный – и, хоть легко мог достичь бессмертия, объявив себя католиком, погиб в обоих смыслах: и еретики его казнили, и католики не похвалили»⁶.

В отношении к форме государственного устройства у Грасиана не было ни сомнений, ни противоречий. В испанском абсолютизме, пусть и на закате своего могущества, он видел наиболее совершенную форму правления. Это особенно отчетливо проявилось в трактате «Политик», посвященном завершителю объединения Испании Фердинанду II Католику (1452/53–1516). Здесь автор утверждает, что королевская чета Фердинанд и Изабелла, а также Филипп II (1556–1598) создали для Испании «золотой век и обеспечили самое счастливое царствование». Именно этих монархов автор награждает самыми лестными эпитетами. Сам Грасиан считает Испанию «главой мира», ее историю «самой яркой и славной». В трактате «Политик», перечисляя достижения своего кумира, он пишет, что тот «основал самую

большую до сегодняшнего дня монархию, что касается религии, образа правления, богатства и других ценностей»⁷. Трактат исходит из само собой разумеющейся всемирно исторической роли Испании, католической («вселенской») державы, из божественной ее миссии, налагающей на королей австрийского дома, наследников Римской империи, спасительный для всего человечества поистине героический долг. Грасиан, как мы уже отмечали, не вдается в детали истории своей страны. Его исторические экскурсы посвящены отдельным выдающимся деятелям – героям, деяния которых обеспечили былую славу и могущество Испании. И первое место среди таковых занимает главный герой трактата «Политик» Фердинанд Арагонский. Однако сам автор в начале трактата замечает, что «здесь, скорее, дается критика многих королей, нежели панегирик одному» – намек на слабость настоящих правителей Испании, не сумевших не только приумножить ее достижения, но и сохранить прежние. По мнению автора трактата, Фердинанд являлся воплощением лучших черт как человек и как правитель. «Ставлю одного короля над всеми прошлыми, предлагаю одного короля всем грядущим», – пишет автор трактата» и далее объясняет почему: «это великий учитель искусства правления, самый большой оракул государственного разума»⁸. Грасиан приписывает Фердинанду заслуги в создании мировой державы посредством успешной внешней политики: «Он стремился к тому, чтобы украсить свое чело восточными камнями, так же как и западными жемчугами... И если не до-

⁶ Там же. – С. 487.

⁷ Baltasar G. El Politico / G. Baltasar // Biblioteca virtual Miguel de Cervantes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: bib. Cervantesvirtual.com. – P. IV, XIII.

⁸ Там же. – P. III.

стиг этого в свои дни, он указал путь своим преемникам». Автор «Политика» называет Фердинанда «универсальным правителем», это «ревнитель и защитник католической веры, благоразумный, отважный, великодушный политик, благородный, мудрый, любимый и справедливый человек, универсальный герой»⁹.

Грасиану близка и приятна идея империи. В названном трактате, восхваляя Испанскую монархию, он сравнивает ее с такими великими империями прошлого, как Римская эпохи Константина Великого и Франкская империя Карла Великого. В то же время Грасиан не мог не видеть заката славы и былого могущества испанского абсолютизма (что особо явственно обозначилось к концу Тридцатилетней войны). Он, как и все патриотически настроенные испанцы, выражает по этому поводу сожаление и ищет причины. В данном случае взгляды Грасиана, ярко выраженного гуманиста, вполне вписываются в преобладающую на заключительном этапе Возрождения тенденцию интерпретировать происходящее в стране как следствие порочного и злого начала в человеке. «Перевелись мудрые правители», – сетует он, называя среди таковых Алонсо Великодушного, Фердинанда Арагонского, Альфонса Мудрого, императора Карла V, Филиппа II, французских королей Франциска I и Генриха IV. Выход виделся в обращении к разуму, который должен помочь человеку усовершенствовать и себя, и весь мир. Отсюда морализаторское начало преобладает во всех рассуждениях автора, касающихся власти, общества, человека. Живя в условиях культурной стагнации Испании, политической нестабильности в ней и в соседних странах, Грасиан часто на стра-

ницах своих сочинений высказывается за важность и необходимость политического единства в стране. Сравнивая в «Политике» испанскую монархию с соседними странами, он, в частности, отмечает, что «управлять Францией проще, поскольку эта страна географически и национально однородна, там существует единообразие законов, сходство обычаев и языка». В Испании иначе: «Здесь необходимы большие усилия, чтобы сохранить ее единство, так как страна состоит из многих провинций с различными климатическими условиями, населена различными нациями, различающимися своими традициями и говорящими на разных языках»¹⁰. В результате «среди народов Испании нет дружбы», сетует автор. Лучше, по мнению Грасиана, обстоят дела и в Италии. Он называет ее «культурной, нарядной, учтивой и разумной». Италия более подвержена изменениям: «Испания донныне пребывает все в том же виде, какую бог ее сотворил, и тамошние обитатели ни в чем ее не улучшили. Италия, напротив, настолько изменилась и улучшилась, что первые ее обитатели, кабы пришли теперь, ее бы не узнали: горы превращены в сады, реки судоходны, на морских побережьях выросли дивные города с молами и гаванями; все города, как на подбор, славятся нарядными зданиями, храмами, дворцами и замками, площади украшены фонтанами и бассейнами; деревни – сады Элизима; словом, в одном итальянском городе больше есть чем полюбоваться и насладиться, нежели в целой области другой страны»¹¹. Более всего Грасиан-гуманист превозносит Италию как центр Возрождения, называя ее «разумной матерью наук и искусств, где

⁹ Baltasar G. Указ. соч. – Р. XV.

¹⁰ Там же. – Р. VI.

¹¹ Бальтасар Г. Указ. соч. – С. 443, 450.

процветает изящная словесность, самый нежный, богатый и выразительный язык. Здесь все достигло зрелости и почета: политика, поэзия, история, философия, риторика, ученость, музыка, живопись, зодчество, ваяние». Особый восторг у Грасиана вызывает Рим – «воплощение всего лучшего, что есть во всех столицах мира». Рим это «вершина знания и благочестивый вход на небо..., мастерская великих людей..., здесь куются умы, оттачиваются таланты, здесь люди становятся личностями». Отмеченные дифирамбы в адрес Италии – очевидная натяжка со стороны Грасиана. Писатель-гуманист явно находился в плену устаревших представлений об этой стране, как родине гуманизма и культуры Возрождения, не замечая, или не желая замечать ее довольно плачевного экономического и политического состояния в тот период, когда он жил и писал.

Кроме отмеченного одной из причин несчастий современной эпохи, по мнению Грасиана, являются войны. Здесь, впрочем, следует заметить, что в своих частых рассуждениях о войнах писатель не всегда последователен и часто противоречив. Так, обращаясь к славному прошлому Испании, он в первую очередь восхваляет ее военные достижения, а его герои – блистательные воины. Он явно превозносит завоевательную политику отдельных королей и военных предводителей прошлого: «Гонсало Фернандеса, завоевавшего неаполитанское королевство; герцога де Альба, покорившего Португалию, и Фернандо Кортеса – Индию (Америку – А. Б.); Карла VIII, захватившего Неаполь; «католического короля Фердинанда, взявшего Гранаду, и его внука Карла V, – всю Германию»¹². В трактате «Герой» автор за-

¹² Там же. – С. 463.

мечает: «Известность великих обязана их воинственности..., воинственное имеет больше похвального, чем мирное, оно наполняет века славой»¹³. Критически относясь к современным правителям, Грасиан опять же подчеркивает: «...ныне политики и военачальники обмелчали, раньше короли сами сражались». «Героический правитель, – замечает далее автор, – должен находиться в гуще событий, лично участвовать в предприятиях, руководить армией, а не созерцать их со стороны»¹⁴. С другой стороны, во всех сочинениях Грасиана прослеживаются его пацифистские настроения и неприятие насилия как во внешней, так и во внутренней политике. Так, в одной из глав «Критикона» он с сожалением пишет о многолетней войне в Каталонии, которая нарушает единство страны и ослабляет ее в противостоянии с Францией. На одной из страниц «Критикона» автор приветствует Маркиза де Мортара (1610–1668), вице-короля Каталонии, сумевшего прекратить в 1650 году длившуюся более десяти лет войну в Каталонии.

В своих рассуждениях о власти, формах и методах ее внутренней и внешней политики Грасиан-гуманист также не приемлет произвола и насилия. Достаточно привести ряд высказываний на этот счет, содержащихся в его сочинениях. Так, автор «Политика», обращаясь к примеру Карла Бургундского, который потерял власть, «потому что был выдающимся воителем, но не был выдающимся правителем», утверждает: «Королевское величие заключается не в том, чтобы драться, а в том, чтобы править».

¹³ Baltasar G. El Heroe G. Baltasar // Biblioteca virtual Miguel de Cervantes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: bib.Cervantesvirtual.com. – P. IX.

¹⁴ Бальтасар Г. Указ. соч. – С. 462–463.

Правда, уже буквально на следующей странице читаем: «Военная сила – основа славы, правитель без оружия – мертвый лев, которого даже зайцы пинают...»¹⁵. Правитель должен обладать определенными способностями, утверждает Грасиан. «Искусством быть королем, – по его мнению, – обладали: Людовик XI во Франции, Матиаш Корвин в Венгрии, император Максимилиан в Германии, Стефан Баторий в Польше, Фердинанд в Испании». Рассуждения Грасиана об условиях успешного правления и идеальном правителе мало чем отличаются от рассуждений и выводов других европейских писателей-гуманистов XVI–XVII вв., например Макиавелли, Гвиччардини, Филиппа де Коммина, Бодена, Гроция и других¹⁶. При этом к названным писателям автор «Критикона» относится неодинаково. Он хвалит француза Филиппа де Коммина, «перо которого лучшее из всех»; англичанина Томаса Мора, у которого «хватило мужества презреть саму смерть»; итальянца Гвиччардини, «пишущего с глубиной и изяществом». В то же время он резко отрицательно отзываясь о Макиавелли и Бодене, заявляя: «Чтобы их “Князь” и “Республика” не смели появляться на людях! Пусть они не ссылаются на государственный резон, сами-то против всякого резону. И заметь-

¹⁵ Baltasar G. El Politico / G. Baltasar // Biblioteca virtual Miguel de Cervantes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: bib.Cervantesvirtual.com. – P. III. – P. II, IX.

¹⁶ См., например: Макиавелли. История Флоренции / Макиавелли. – М.: Наука, 1987. – С. 351; Гвиччардини. История Флоренции / Гвиччардини // Сочинения великих итальянцев XVI века. Библиотека ренессансной культуры. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 73; Филипп де Коммин. Мемуары / де Коммин Филипп. – М.: Наука, 1987. – С. 207–208; Боден. Метод легкого познания истории / Боден. – М.: Наука, 2000. – С. 34, 134, 164, 258; Гроций. О праве войны и мира / Гроций. – М.: Ладомир, 1956. – С. 49, 127, 135, 174.

те, сколь явственна в обоих этих политиках подлость нашего времени, злобность последних веков и упадок мира»¹⁷. Особо резки и уничижительны оценки Макиавелли: «Его книги – сплошная ложь и фальшь». Он называет автора «Князя» «наглым мошенником», «лукавым политиком», уста которого «изрыгают пламя адаво, что истребляет добрые нравы и испепеляет государства»¹⁸. Однако далее Грасиан, почти копируя ненавистного ему Макиавелли, советует правителю в проведении своей политики прибегать к гибкости и хитрости, если того потребуют обстоятельства, уметь привлекать на свою сторону нужных и влиятельных людей¹⁹. Он пишет, что всякий, кто хочет успешно управлять, должен сочетать в себе такие качества, как сила и хитрость: «Не можешь надеть шкуру львиную, носи лисью. Вовремя уступить – победить, кто своего достиг, того не осудят. Не хватает силы, действуй умом; таким путем или этаким...»²⁰. В свое время Макиавелли также достаточно цинично советовал государю: «Надо знать, что с врагом можно договориться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю. Но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе человека и зверя... Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе»²¹.

¹⁷ Бальтасар Г. Указ. соч. – С. 125.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Baltasar G. El Heroe G. Baltasar // Biblioteca virtual Miguel de Cervantes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: bib.Cervantesvirtual.com. (Дата обращения 26.07.2011). – P. X.

²⁰ Бальтасар Г. Указ. соч. – С. 49.

²¹ Макиавелли. Государь. 1985. – С. 46–47.

Довольно часто в сочинениях Грасиана встречаются рассуждения, касающиеся принципов и характера взаимоотношений между монархом и его подданными. Опять же, как и у практически всех писателей-гуманистов, главным условием успешного правления является уважение и любовь народа к правителю. Так, в своем «Карманном оракуле» автор пишет: «Для правителей выгодно, чтобы их считали благодетелями; это украшает монархов, доставляя им всеобщую любовь. Единственное преимущество властелина – возможность делать больше добра, чем прочие люди». При этом он считает, что признание и любовь подданных не приходят сами по себе и не передаются по наследству, правитель должен их заслужить: «Нелегко снискать всеобщее восхищение, еще труднее – любовь; отчасти это дается судьбой, но больше – старанием; первая закладывает начало, второе продолжает. Чтобы завоевать благоволение, нужны благодеяния, твори добро направо и налево, не скупись на благие слова и еще лучше дела, люби, дабы быть любимым. Любезность – политическое приворотное зелье выдающихся людей»²². В то же время Грасиан предупреждает от чрезмерной доступности правителя, поскольку «всеобщая хвала претит разумному», а «поклонение толпы обманчиво». Он считает, что подданные, прежде всего придворные советники короля, должны «избегать побед над вышестоящим», дабы не оскорбить его величество, не должны показывать своего превосходства в опыте и знаниях. «Их превосходствам угодна помощь, но не превосходство; им угодно, чтобы совет показался всего лишь напоминанием о том, что забыто, а не объяснением того, что им непонятно»; Грасиан не жалуется чиновников

²² Бальтасар Г. Указ. соч. – С. 11, 13.

и политиков, считая многих из них «воплощением хаоса в делах государственных». «Так вершат они свои дела, чтобы сбить с толку, помрачить разум окружающих. Упаси бог, чтобы их следы обличали их цели! Повернут в одну сторону, а норовят в другую. Провозглашают одно, делают другое. Чтобы сказать “нет”, говорят “да”»²³. Главным оружием политиков и чиновников, по мнению писателя, являются «подсахаренная лесть и обман». Это и помогает многим из них незаслуженно проникать во дворцы. Так, герои-странники «Критикона», оказавшись у мистического «дворца без дверей», «немало дивились хитрым способам, какими вручались взятки, извилистым путям, коими двигались подкупы: дорогой медальон – «для вашего благочестия»; ценная вещица – «так, приятный пусячок»; золотой сосуд – «в знак благодарности»; жирный окорок – подмазать; сласти – полакомиться»²⁴. Грасиан уверен, что моральные устои в Испании рушатся, что в высшем свете все покупается и все продается: «не жди почета, коли не знаешь денегам счета», – замечает он²⁵.

Для писателя-гуманиста более важна не формальная сторона власти, а личность правителя. Он считает, что умение повелевать людьми не столько достигается воспитанием и опытом, сколько дается от природы: «Прирожденная властность – один из тайных источников превосходства. Нарочитые ухищрения тут не помогут. Ей покояются все незаметно для самих себя, признавая тем самым тайную силу властелина природного. Наделенные даром повелевать это короли по достоинству, львы по праву рождения. И когда прочие достоин-

²³ Там же. – С. 109–110.

²⁴ Там же. – С. 396.

²⁵ Там же. – С. 442–443.

ства благоприятствуют, люди эти созданы быть первыми, вершителями дел государственных, ибо одним мановением достигают большего, чем другие длинными речами». И далее: «Пусть человеческая натура возвышается над обязанностями сана, а не наоборот. Как ни высок пост, покажи, что личность выше. Для этого надобна высота души и благородная уверенность в себе»²⁶. Успех монарха в управлении государством Грасиан связывает также с его умением окружить себя «разумными помощниками», «людьми выдающегося ума, которые в любом затруднении выиграют за них спор». «Прибегать к помощи мудрых, – считает автор «Оракула», – свойство великих», продолжая далее: «В наш просвещенный век – новый вид владычества: в слуг обращать тех, кого природа наделила превосходством. Мудрые помощники отберут лучшее во всех науках и преподнесут ему квинтэссенцию знания»²⁷. Приведенные высказывания Бальтасара Грасиана явно предвосхищают одну из основных идей грядущей эпохи просвещенного абсолютизма.

Как писатель-гуманист, Грасиан не мог не обратить внимания на существующее социальное неравенство, на господство одних и подчиненное положение других. Вместе с тем мы нигде не найдем у него осуждения такого положения вещей. Для него важен не сам факт разделения общества на неравноправные сословия, что, по-видимому, он считал естественным, а царящая вокруг несправедливость. Многие добиваются богатства и власти несправедливыми путями и пользуются различными благами незаслуженно, считает автор «Критикона»: «Нередко поклоняются рабам вожделений и невольникам наслажде-

ний. А те, кого можно назвать господином своих страстей, кто чурается зла, те прозябают в унижении. Те, у которых душа чиста и светла, в нужде чахнут, а те, у кого совесть запятнана и руки замараны, в гору лезут. Итак, добрые внизу, во прахе, а злые наверху», – заключает автор²⁸.

К простонародью Грасиан относится по большей части пренебрежительно и даже с опаской, чаще используя слова «чернь», «бессмысленная толпа». Так он предупреждает правителя: «Помни, что чернь есть всюду..., но есть чернь и есть черная чернь. У черной те же свойства, что у обычной, как у осколка от зеркала, но она еще зловредней: суждения ее дики, осуждение нагло; прилежная ученица невежества, покровительница глупости, соратница клеветы. Не внимай ее речам, тем паче – чувствам. Важно знать ее, дабы освободиться от нее в самом себе и рядом с собою; ведь всякое невежество отдает духом черни, и чернь состоит из невежд»²⁹. Грасиан считает, что действия толпы непредсказуемы, что чернь «подобно молнии разит наиболее высокие достоинства», что «чернь легко приходит в смятение, особенно если она легковерна, как в Валенсии, груба, как в Барселоне, глупа, как в Вальядолиде, распущена, как в Сарагосе, непостоянна, как в Толедо, нахальна, как в Лиссабоне, болтлива, как в Севилье, грязна, как в Мадриде, криклива, как в Саламанке, лжива, как в Кордове, и подла, как в Гранаде»³⁰. И все же, по мнению писателя, в интересах дела приходится считаться и с толпой: «Благоразумному надо упреждать дурные толки, так как любой промах для злоречия лакомый кусок».

²⁸ Там же. – С. 111.

²⁹ Там же. – С. 254.

³⁰ Там же. – С. 254.

²⁶ Бальтасар Г. Указ. соч. – С. 443, 63.

²⁷ Там же. – С. 8.

В целом приведенные наблюдения и характеристики, содержащиеся в сочинениях Бальтасара Грасиана, обогащают гуманистическую мысль переходной эпохи и наши представления о ней.

Литература

- Бальтасар Г.* Карманный оракул. Критикон / Г. Бальтазар. – М.: Наука, 1984. – 632 с.
- Боден Жан.* Метод легкого познания истории / Боден Жан. – М.: Наука, 2000. – 412 с.
- Гвиччардини Ф.* История Флоренции / Ф. Гвиччардини // Сочинения великих итальянцев XVI века. Библиотека ренессансной культуры. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 72–141.
- Гроций Г.* О праве войны и мира / Г. Гроций. – М.: Ладомир, 1956. – 868 с.
- Макиавелли Н.* Государь / Н. Макиавелли. – М.: Наука, 1985. – 267 с.
- Макиавелли Н.* История Флоренции / Н. Макиавелли. – М.: Наука, 1987. – 440 с.
- Пинский Л.Е.* Бальтасар Грасиан и его произведения / Л.Е. Пинский // Бальтасар Грасиан. Карманный оракул. Критикон. – М.: Наука, 1984. – С. 499–544.
- Филипп де Коммин.* Мемуары / де Коммин Филипп. – М.: Наука, 1987. – 496 с.
- Baltasar G.* El Político / G. Baltasar // Biblioteca virtual Miguel de Servantes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: bib.Cervantesvirtual.com. (Дата обращения 26.07.2011).
- Baltasar G.* El Heroe // Biblioteca virtual Miguel de Servantes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: bib.Cervantesvirtual.com. (Дата обращения 26.07.2011).

³¹ Там же. – С. 21–22.